

«Я жил для других...»

14 апреля 1870 года родился Нариман Нариманов — человек сколь яркой, столь же и драматической судьбы

Эльмира АЛМАСОВА

Начало XX века было сложным периодом для мира. Непростым оно оказалось и для нашей страны, чью участь предопределило пребывание Азербайджана в составе Российской империи, ставшей ареной беспрецедентного по масштабам социального и политического эксперимента. Попытка реализации на практике коммунистических идей, строительство, как провозглашалось, светлого будущего человечества, сопровождалось событиями не просто драматическими, но порой и трагическими. Крушились не только государства — ломались судьбы, особенно такие неординарные, как у Наримана Нариманова — драматурга и врача, политического и государственного деятеля.

По прошествии лет трудно определить, чего в нем было больше — тяги к литературному творчеству или стремления изменить несовершенство мира. Но он занимался и тем, и другим. И уже потомки судят, где он был более успешным. Мнения о нем разные, порой диаметрально противоположные, но те, кто знал доктора Нариманова, как называли его современники, и те, кто серьезно изучал его труды и жизнь, скажут с уверенностью, что при всех заблуждениях он был цельной личностью. Другое дело, что век был далеко неоднозначным. Столь же неоднозначными оказывались взгляды и позиции людей.

Биография Наримана Нариманова известна: талантливый писатель, переводчик, журналист и даже актер. Просветитель и врач, вступивший на стезю профессионального революционера, член Бакинской городской думы. В первые годы советской власти — председатель Совнаркома Азербайджана, сопредседатель ЦИК СССР. Но за этой успешной, на первый взгляд, карьерой таилось многое. Прежде всего — трудная, вынуждающая к переоценке происходящего борьба с товарищами по большевистской партии. В ее в основе лежали отстаивание национальных интересов Азербайджана, недовольство методами, используемыми для пропаганды коммунистических идей, неудовлетворенность той ролью, которая ему активно навязывалась.

Можно лишь догадываться, каким потрясением для Нариманова стали организованные большевиками и дашнаками под революционными лозунгами погромы и резня мусульман, получившие в истории определение «мартовские события 1918 года». Почти через век, когда все тайное станет явным, эти преступления будут квалифицированы как геноцид.

Нариман Нариманов видел и понимал, что на самом деле происходит. И с категорическим требованием остановить эти убийства и грабеж мусульман обращается с письмом к С.Шаумяну и П.Джапаридзе. Более того, как член Революционного комитета обороны Баку подписывает распоряжение о ликвидации национальных армянских вооруженных отрядов. А в своих выступлениях резко критикует большевистскую политику Шаумяна, подчеркивая, что за «мартовские события» должна отвечать советская власть.

После падения Бакинской коммуны Нариманов — один из немногих политиков того времени, кто не только обсуждает случившееся, но и делает глубокий анализ того, почему это стало возможным. Большим агитационным материалом в то время послужили доклад Нариманова «Взгляд на захват Кавказа» и его статья «С каким лозунгом мы идем на Кавказ?», где он указывал на крупные ошибки, послужившие причиной падения власти в Баку в 1918 году. В ней излагалась также программа будущей работы в советском Азербайджане. Для Нариманова, хорошо знавшего Восток, было совершенно ясно, что действовать здесь необходимо иными, нежели чем в России или еще где-то, путями.

Меньше чем через месяц после установления советской власти Нариманов возвращается в Баку из Москвы, где он работал в Наркомате иностранных дел. Первого в Азербайджане председателя Совнаркома местное население встречает с надеждой, что он сможет остановить происходящее, когда «Азербайджан грабят всюю и расстреливают направо и налево». Похоже, Нариманова как человека, способного помешать проводимой политике, воспринимают и его «соратники» по партии. И незадолго до его приезда в Баку С.Киров и С.Орджоникидзе

отправляют Ленину телеграмму, в которой просят полномочия по управлению Кавказом передать кому угодно — только не Нариманову.

Управлять и отвечать за внутреннюю и внешнюю политику Азербайджана Центр поручает Серго Орджоникидзе — секретарю Кавбюро ЦК РКП (б). В ноябре 1920 года Москва вновь подтверждает полномочия Орджоникидзе в Баку. И тот задает вопрос Нариманову: «Должна ли Азербайджанская Республика существовать самостоятельно?» и получает в категорической форме ответ: «Азербайджанская Республика должна быть самостоятельной».

Однако Нариманов вскоре начинает ощущать, что об интересах его страны новые правители думают меньше всего. За его спиной творятся дела, далекие от высоких идеалов, которыми прикрываются большевики. Он понимает, что его используют как ширму, и в письме Сталину пишет «Орджоникидзе выдвинул мою кандидатуру в председатели ЦИК СССР, чтобы в Азербайджане не было больше разговоров о его интересах. Ему нужны были только люди-исполнители без своих особых мнений. На языке моих противников я заслужил название «националист»... Зачем нужно было создавать в советской республике «монархию» во главе с «королем» Серебровским (в 1920-26 гг. являлся председателем правления «Азнефти» в Баку. — Ред.). К этой последней теме Нариманов обращался не раз. Вот цитата из одного из его писем в Центр: «Я целый год воевал с тов. Серебровским по поводу процентного отчисления нефтяных продуктов в пользу Азербайджана, дело довел до Политбюро, которое обязало его делать отчисления». И в самом деле, после решительного вмешательства Нариманова 15% от доходов нефти стали оставлять в республике — они расходовались на социальные (медицина и образование) и культурные нужды.

Начиная с апреля 1920 года, центральная власть в лице все того же Орджоникидзе, а также Чичерина заставляла Нариманова идти на территориальные уступки в пользу Армении. Летом Чичерин писал Ленину, упрекая Нариманова, что «даже мусаватская власть не претендовала на Шарур-Даралагазский, Ордубадский, Зангезурский, Карабахский и Нахчыванский районы». Вышеназванные районы Н.Нариманов считал исконно азербайджанскими землями и отстаивал их всеми доступными ему средствами.

Нариманов уделял большое внимание и созданию национальной армии, авиации, транспортной системе, прокладке железной дороги Баку–Джульфа, им был открыт нефтепровод на участке Баку–Тифлис–Батуми. Будучи председателем Совнаркома, критиковал Чичерина в непонимании восточного вопроса и стремлении насадить советский строй в восточных странах. Как председатель азербайджанского правительства поддерживал национально-освободительное движение в Турции под руководством Мустафы Кямаля, оказывая ему моральную и финансовую помощь. Турецкая делегация, отправляясь в Москву на переговоры, консультировалась с Наримановым и получила от него рекомендательное письмо к Ленину. В нем Нариманов предупреждал Ленина о том, что армянский вопрос является для турецкой делегации вопросом жизни и смерти, и в этом вопросе нельзя уступать армянам.

Он способствовал заключению договора о дружбе между Турцией и советской Россией в 1921 году и приветствовал победу национально-освободительного движения в Турции. Особая роль принадлежит ему в заключении Карского договора. В период работы одним из председателей Закфедерации он самоотверженно трудился, добиваясь развития экономического, политического и культурного единства трех республик.

В декабре 1922 года первый съезд Советов, проходивший в Москве, провозгласил советское государство и избрал его высший законодательный орган — ЦИК СССР. Нариманов был избран его сопредседателем. В 1923 году Нариманов с семьей переехал в Москву, но на родину писал, что очень хочет вернуться в Баку. Неожиданная смерть, настигшая Наримана Нариманова 19 марта 1925 года, и по сей день остается загадкой — была ли она следствием огромных физических и эмоциональных нагрузок или результатом того, что Нариман Нариманов стал все больше мешать властям?

Слово о Нариманове

Фирдовсия АХМЕДОВА, кандидат исторических наук, автор монографии «Нариман Нариманов — идеал и реальность»:

— Нариман Нариманов — человек, остающийся в фокусе общенародного внимания вот уже не одно десятилетие, поскольку он сыграл важную роль в политической судьбе Азербайджана XX века. Учитель, писатель, врач-просветитель в самом широком смысле слова стал популярен, прежде всего, как политический и государственный деятель. Почему же личность Нариманова превратилась в объект жестких словопрений, как случилось, что он вошел в

новое столетие как объект жарких дискуссий, участники которых расходятся по двум полюсам — обвинений и оправданий? Его награждают противоположными характеристиками: до 1917 года — националист, с 1917 года — гумметист-большевик, стоящий на позициях, чуждых интересам нации, интервенционист, сидящий на плечах красноармейцев. С 20-х годов прошлого века, включая годы репрессий, он позиционируется как национал-уклонист, в период реабилитаций — как марксист-ленинец. После распада СССР — изменник нации и заложник большевизма. Эта галерея образов — отражение менявшихся общественно-политических установок.

Есть ли основание обвинять Нариманова в несовместимом отношении к таким высоким понятиям, как «народ», «Родина», «земля», «нация», «свобода» и т.д.? Ответ надо искать в наследии Наримана Нариманова. В его поступках виден человек учительствующего склада: он больше просветитель, чем политик. Иными словами, Нариманов — политик просвещающий, публичный и совершенно не аппаратный. Он политизированный интеллигент, наделенный обостренной социальной и нравственной чувствительностью. Знание Востока, его истории, ментальности, этноса дают право называть Нариманова оригинальным автором гипотетических разработок продвижения советской системы в восточные страны.

Нариманов стоял за вариативность в политике, протестуя против шаблона, но не имел ничего против запретов на партийные дискуссии. Создавшаяся морально-психологическая атмосфера повлияла на его умонастроения. Поведение и дела в последний отрезок жизни, проистекающие из его идейно-нравственного одиночества, разоблачение своих недругов, оправдание и объяснение своей правоты, напоминание об ошибках и недочетах — все это, надо полагать, стало результатом усиления в нем староинтеллигентского рефлекса властебоязни.

Травматические перемены в душевном складе нашли отражение в его последних писаниях. Отсюда и в неоконченном письме сыну Наджафу (28 января 1925 г.) слова: «До 1925 г. я жил для других... Каждый раз, когда будешь сознавать, что ты у власти... по принуждению, ты будешь чувствовать известное угнетение, угрызение, систематически будешь терять свое достоинство не только в глазах массы, но и в своих: отсюда и дальнейшее разложение в твоём мировоззрении». В последний год своей жизни Нариманов внушает сыну ценность личной свободы, «чтобы в своей жизни быть меньше зависимым от посторонних».

В то время Н.Нариманов, видимо, желает избавиться от «тирании» государственной необходимости: официального поведения и говорения «правильных слов», обязанности исполнения ритуалов и процедур. Он жаждет свободы, ибо интуитивно стремится встать над временем. Айдын МИРЗАЗАДЕ, депутат Милли меджлиса:

— Нариман Нариманов — одна из ярчайших личностей в азербайджанской истории. Выходец из обычной семьи, благодаря своим личным способностям он получил блестящее образование, внес огромный вклад в просвещение, повышение национального самосознания азербайджанского народа. Активно участвовал в политической жизни Азербайджана начала XX века и благодаря своему авторитету добился решения ряда актуальных вопросов.

Нариманов всегда был на авансцене происходящих процессов и имел четко выверенную позицию, которая отвечала требованиям времени. Он известен азербайджанскому народу во многих ипостасях — как политический деятель и талантливый писатель, как врач, заботящийся об охране здоровья своих сограждан, и просветитель, посвятивший много сил и времени развитию культуры и образования. Был близок с выдающимися личностями того времени: известны его хорошие отношения с крупным предпринимателем, меценатом, просветителем Гаджи Зейналабдином Тагиевым, представителями интеллигенции, деловых и революционных кругов.

Нахождение Нариманова в большевистских рядах в период обретения Азербайджаном независимости нельзя оценивать как пренебрежение национальными интересами. Наоборот, будучи в большевистской организации, практически на самом ее верху, Нариманов защищал интересы азербайджанского народа. Как председатель Азревкома (Азербайджанский революционный комитет) он остановил в 1920 году разграбление Баку, ценностей азербайджанского народа, уничтожение представителей интеллигенции того времени. На любом посту, где бы он ни находился, защищал интересы Азербайджана перед Москвой. Даже в 20-х годах открыто написал Ленину письмо, в котором обвинил пролетарского вождя в отходе от обещаний, данных в канун советизации Азербайджана.

Нариманов останется в нашей памяти как человек, написавший прекрасные пьесы, которые до сих пор идут в театрах и пользуются успехом. Его пример — пример интеллигента, который жил для своего народа. Думаю, будь он жив или проживи большую жизнь, многих негативных

процессов, которые происходили в Азербайджане, можно было бы избежать. Его взгляды не вписывались в каноны политической идеологии того времени. Происходило это по весьма простой причине: верхушке партии хорошо были известны его критическое отношение к практической реализации социалистических идей в Советском Союзе, нежелание мириться с произволом партийных бонз, умение твердо и последовательно отстаивать национальные интересы.

Подлинная оценка заслуг этой выдающейся личности была дана общенациональным лидером Гейдаром Алиевым: установлен памятник на одной из площадей столицы, его именем названы один из районов Баку и медицинский университет, создан фильм «Звезды не гаснут», изданы книги и монографии, ему посвященные.

С высоты сегодняшних дней легко обвинить Наримана Нариманова в грехах всего большевизма, но его дела, его противостояние всему, что расходилось с социалистическими идеалами, позволяют утверждать: Нариманов был истинным патриотом, любящим свой народ и сделавшим все, что было возможно в те годы, для его пользы.

Из наследия Наримана Нариманова

Ответ некоторым товарищам

«Последнее время некоторые ответственные товарищи в Азербайджане выступают в прессе по вопросу о сокращении числа уроков тюркского языка в школах или о сокращении числа спектаклей в тюркском театре и т.д.

...Поставьте точку над «і» и скажите: «Мне нравится русский язык, мне легче и понятнее все на русском языке: прекрасные стихи Пушкина написаны на этом языке. Я хочу, чтобы дети тюрков это знали».

Желание хорошее.

Дети тюрков должны знать стихи не только Пушкина, но и Шекспира, Шиллера, но все же лишь после того, когда они узнают прежде всего грозные боевые стихи истинного пролетарского поэта, родного Сабира, народных поэтов Вагифа, Закира, Видади. И это так будет вполне правильно по Марксу.

Если это говорится вообще для пользы дела, то опять-таки я предложил бы автору сокращения числа уроков тюркского языка не производить, а самому изучать этот язык, чтобы иметь возможность разбираться в пророческих стихах тюрка Сабира, так как я утверждаю: в русской пролетарской литературе он не найдет ему подобного поэта, который бы так картинно и живо передавал все переживания рабочего класса и крестьянина под гнетом хозяина и помещика. И это писалось Сабиром в кошмарные годы реакции.

И после этого удивляешься, когда другой ответственный работник заявляет: для чего в такое трудное время воздвигать памятник какому-то Сабиру.

Одно из двух: или эти товарищи не знают азербайджанских условий и делают ошибки, или плохо усвоили Маркса и никак не могут разобраться в тех вопросах, о которых Маркс писал давно. Тогда пусть читают внимательно «Национальный вопрос» тов. Ленина, который довольно подробно останавливается на вопросе о национальном самоопределении народов.

И от незнания условий Азербайджана, и от неумения разбираться в этих вопросах страдает общее дело нашей революции.

Такой подход к вопросу разлагает партию, развращает рабочих, сеет вражду между рабочими и крестьянами, создает недоверие друг к другу, а, следовательно, и к власти.

И в самом деле разве русский рабочий для того перевернул Россию вверх дном, чтобы продолжать политику Пуришкевича. Нет и нет!

Русский рабочий вполне искренно и сознательно освободил окраины, чтобы дать возможность им свободно дышать и жить своею жизнью, но, к великому сожалению нашему, среди нас есть не соответствующие званию представителей рабочего класса, так называемые шовинистически настроенные элементы, которые ничем не отличаются в своих действиях от сменовеховцев.

Пусть сменовеховцы утешают себя тем, что идет «собрание русской земли». Но коммунисты должны сказать: мы собираем не русские земли, а рабочих всех национальностей в единую сознательную силу для укрепления своей власти. Но для того чтобы создать сплоченную сознательную силу, необходимо подготовить, поднять естественным путем до известного уровня знания и развития более отсталую часть этой силы. С этой целью необходимо 2/3 расходов употреблять на грамотность и вообще образование тюрков, 2/3 внимания партии уделить на тюрков и 2/3 всей энергии советских органов отдать работе среди тюрков...

А тем «перелетным птицам», которые говорят сладкие слова только для удержания за собой места, мы скажем: не сегодня, так завтра тюрки и русские рабочие и крестьяне Азербайджана оценят ваши труды и скажут свое последнее слово. Наконец, можно подойти к вопросу и с правовой точки зрения. Тюркский язык объявлен государственным языком в Азербайджане, и он должен пользоваться всеми правами и преимуществами этого языка. Никто не в силе и не посмеет отменить это...

Пусть знают это твердо те, которые под разными соусами выступают против тюркского языка в Азербайджане».

Н.Нариманов